

Рецензии

УДК 39(=511.113)

В. Э. Шаранов

Рецензия на: Карм Светлана. Финно-угорский дискурс в эстонской этнологии (на примере исследования удмуртской культуры); [научный руководитель: Ph.D, профессор этнологии Леэте Арт ; Институт исследований культуры Факультета гуманитарных наук и искусств Тартуского университета]. – Tartu: University of Tartu Press, 2019. – 217 с. (Dissertationes ethnologiae Universitatis Tartuensis, 9).



DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-2-357-365

В августе 2019 г. в Тартуском университете состоялась успешная защита докторской диссертации Светланы Карм «Финно-угорский дискурс в эстонской этнологии (на примере исследования удмуртской культуры)», подготовленной под руководством профессора Арта Леэте [Карм 2019]. В традициях тартуско-московской семиотической школы ключевую проблематику диссертации, вероятно, можно обозначить как «взаимообусловленность текста и аудитории»: исследование основополагающих для эстонской этнологии дискурсивных практик, формирующих общественное сознание в соответствии с идеологией конкретного исторического периода. Ю. М. Лотман характеризует взаимоотношения текста и аудитории взаимной активностью: текст навязывает аудитории свою систему кодов и стремится уподобить аудиторию себе, в то же время аудитория наделяет текст понятными и близкими ей кодами. Иначе говоря, текст «отбирает» себе идеальную аудиторию, так же как и аудитория конструирует «свой» текст [Лотман 1977, 55–61].

В исследовании представлен опыт изучения эстонского финно-угорского дискурса, под которым автор подразумевает «совокупность знаний и практик, связанных с принадлежностью определенной группы народов единой – уральской – языковой семье» [Карм 2019, 66]. Из широкого пласта концептов и ракурсов, содержащихся в понятии «финно-угорский дискурс», автор акцентирует внимание на рассмотрении этнологического аспекта. В работе анализируются: историко-культурные и идеологические аспекты формирования эстонской традиции финно-угорских исследований, особенности экспедиционно-полевых изысканий и научной коммуникации эстонских этнологов с финно-угорскими коллегами, а также этнографические и этнополитические измерения репрезентации финно-угорских культур в музейном пространстве.

Определяя двухвековые временные рамки исследования, автор следующим образом обосновывает верхние хронологические границы: «в силу отсутствия исторической дистанции, анализ научных взаимоотношений последних десятилетий был бы сегодня еще преждевременным для обобщающих выводов, поэтому детальное рассмотрение научно-культурных контактов завершается началом 1990-х годов» [Карм 2019, 23]. Стремление автора рассматривать исторические сведения и современные реалии во взаимосвязи и развитии в ряде случаев обусловило нарушение их хронологической последовательности в изложении материалов, в частности, представленных в историографических экскурсах диссертации [Карм 2019, 35–43]. Однако такой «временной монтаж фактов» ни в коей мере не умаляет авторской логики построения критических оценок и формулирования выводов, представленных в исследовании.

Автор ставит перед собой задачу выявить и теоретически осмыслить особенности этнографических финно-угорских исследований в эстонской научной традиции в сравнении их с финской, венгерской, немецкой и российской этнографическими / этнологическими научными школами. Актуальность этой сложнейшей историографической проблематики, связанной с историей становления предметно-объектной области европейской этнографической науки, подчеркивается в цикле недавних академических исследований, опубликованных в Венгрии, России и Эстонии [Voigt 2010; Соколовский 2012; Leete 2014; Головнев 2018]. В частности, автор исследования отмечает, что «фокус науч-



ного анализа диссертации связан с развитием предметной области финно-угроведения (финно-угристики, уралистики)» [Карм 2019, 11]. В обсуждаемой работе «эстонский финно-угорский дискурс» рассматривается как процесс конструирования национальной идеи и культурной идентичности, а финно-угорские исследования – как расширение исследовательского поля и своеобразная попытка преодоления синдрома «малого народа», что и обуславливает новизну проблематики диссертации [Карм 2019, 24–25].

К числу достоинств рецензируемой работы отнесем удачный выбор теоретических концепций и понятийного инструментария, чем обусловлен высокий уровень смыслового анализа исторического материала и современных авторских наблюдений [Карм 2019, 28–34]. Исследование выполнено на пересечении предметного поля и методологических приемов различных направлений культурно-антропологических наук, что и определило выбор различных подходов и методов сбора информации, а также анализа интерпретируемого материала. Допускаемое автором в этой связи смешение стилей научного изложения и понятийных аппаратов различных научных дисциплин (этнографии, социологии, этнополитологии и культурной антропологии) с общественно-политической публичной лексикой порой затрудняет понимание сформулированных в тексте диссертации теоретических положений и выводов. В частности, речь идет о таких, вероятно, специфичных для эстонского публичного дискурса терминах, как «национальная наука», «националистическая этнология», «национальная религия», «финно-угризм». Для академической традиции, предполагающей четкое определение терминологии исследования, такие понятия являются скорее «научными метафорами», чем точными научными дефинициями. Очевидно, что включение «метафорических» понятий в научный дискурс имеет подчеркнута знаковый, этнополитический характер и лишь актуализирует связь с темой национального идентитета. С другой стороны, данный факт объективно подтверждает тезис автора о том, что современный «финно-угорский дискурс давно перешел жесткие границы академической науки» [Карм 2019, 16].

Методологический интерес представляют размышления автора о «ментальных» критериях определения понятий «финно-угорская национальная наука» и «финно-угорский мир». Однако диссертант ограничивается историографией этого вопроса, представленной во введении исследования. В статьях содержательной части диссертации автор акцентирует внимание на историческом и идеологическом контекстах развития финно-угроведения и на обусловленности предметно-объектной области эстонской этнологии запросами и ожиданиями «внутрикультурной аудитории».

Предлагаемая в диссертации структура отдельных глав и их подразделов строится соответственно поставленным в исследовании задачам. Не вызывает возражений выделение подразделов отдельных глав, в полной мере отражающих авторскую логику изложения и аналитического осмысления конкретного исторического материала в обсуждении обозначенной проблематики. Диссертация состоит из Предисловия, Введения, краткого историографического экскурса, содержательного раздела, заключения, списка источников и литературы, краткого резюме на эстонском языке, Списка публикаций и CV исследователя.

Общая концепция исследования кратко сформулирована автором следующим образом: «исходя из разных методологических и контекстуальных подходов, анализируются идеологические и субъективные аспекты эстонских финно-угорских исследований, раскрывается институциональная деятельность научных учреждений и отдельных исследователей, обусловившая преемственность эстонских этнологических традиций» [Карм 2019, 34].

В Предисловии изящно и во многом «автобиографично» объясняется мотивация выбора проблематики исследования. Речь идет об авторском осмыслении современных практик репрезентации финно-угорских культур Эстонским национальным музеем (далее ЭНМ), история которого неразрывно связана со становлением и развитием эстонской финно-угорской этнологии.

Во Введении формулируются актуальность и новизна исследования на основе рассмотрения общей идеологии новой музейной экспозиции «Эхо Урала» в ЭНМ, в настоящее время выполняющем роль «опорного пункта родственных народов и культурного посольства финно-угорских народов в Европе» [Карм 2019, 10]. Автор аргументировано обосновывает особую роль финно-угорской тематики в культурно-политической истории Эстонии и эстонской этнографической науки, которая «исторически воспринимается как одна из национальных наук (rahvusteadused, rahvuslikud teadused)» [Карм 2019, 17].

Определяя предметную область и задачи исследования, автор формулирует гипотезу о том, что финно-угорские этнографические исследования занимают в эстонской научной традиции промежу-



точное положение между изучением своего и других народов – «финно-угры не принимаются за своих, но они и не совсем чужие» [Карм 2019, 19].

Впечатляет обширнейшая источниковедческая база настоящей работы: не опубликованные ранее архивные материалы различных учреждений Эстонии, Удмуртской Республики, Республики Татарстан; разновременные издания периодической печати Эстонии; аудио и видео материалы экспедиционных исследований Эстонского национального музея, а также авторские полевые материалы, собранные методами интервью, бесед, включенного наблюдения и соучастия.

«Краткий экскурс в историю эстонских финно-угорских исследований» представляет собой историографический обзор становления и развития финно-угорского направления в эстонской этнографической науке в контексте с немецкой, финляндской, венгерской и российской академических традиций второй половины XIX–XX вв. В частности, автор справедливо подчеркивает роль выходцев из Эстонии, выпускников Дерптского университета, в создании и деятельности Русского Географического Общества (Отделения этнографии, антропологии и исторической географии) и, соответственно, в оформлении предметного поля и методологии российской этнографической науки во второй половине XIX в. [Карм 2019, 39–40]. Вместе с тем через драматургию истории эстонской этнографии автор убедительно доказывает, что в конце XIX в. «идея племенной общности» (финно-угорская идея) становится альтернативой к прогерманскому и прорусскому течениям как в эстонском национальном движении, так и в национальной академической науке [Карм 2019, 41–43].

На основе рассмотрения исторических материалов автор раскрывает тезис о том, что в эстонской этнологической традиции под «финно-угорским дискурсом» имеется в виду, прежде всего, исследование культур родственных финно-угорских и самодийских народов, а не самих эстонцев». Отмеченную историческую особенность эстонской этнографии, как национальной науки, автор формулирует следующим образом: изучение финно-угорских народов является как бы промежуточной формой между изучением своего и других народов. Восточные финно-угорские территории воспринимаются как «научная колония» и как символ культурной миссии «малого народа». В отличие от ранней финской и венгерской этнологии, где исследования были направлены, прежде всего, на поиски исторических корней своих национальных культур, в Эстонии изучение этнографии финно-угорских народов было провозглашено как «дело чести», неразрывно связанное с формированием национального идентитета [Карм 2019, 45].

Официальное оформление эстонского этнографического финно-угроведения как науки автор диссертации связывает с открытием доцентуры этнографии на кафедре эстонского и сравнительного языкознания филологического отделения историко-филологического факультета этнографии в Тартуском университете, а также деятельностью Эстонского национального музея в начале 1920-х гг. Именно в этот период формулируются предметная область и приоритетные задачи ранней эстонской этнографии: изучение культуры родственных финно-угорских народов.

Заслуживают внимания авторские историографические наблюдения над взаимовлиянием методологии ранних эстонских, скандинавских и российских этнографических исследований в историко-типологическом изучении материальной культуры. В частности, автор отмечает очевидные параллели между этнографическими программами и пониманием предметной области этой науки, сформулированными в 1920-е гг. в докладах директора ЭНМ И. Маннинена и публикациях члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина – выпускника Юрьевского университета.

По мнению автора, приверженность к научным методам (сравнительно-историческому, типологическому и картографическому), определенным еще в годы становления национальной науки, эстонская этнографическая школа сохраняла и в советский период (1950–1990 гг.). При оценке финно-угорских исследований советского периода автор справедливо отмечает, что: «эстонские этнологи начинают активно вовлекаться в т.н. региональные исследования», а «советская этнография» способствовала ориентации эстонских исследователей на финно-угорские культуры [Карм 2019, 38].

В обсуждении автором темы «центров» и «периферий» финно-угорских исследований в советское время некоторое сомнение вызывают тезисы автора о том, что «систематически и планомерно финно-угорскими культурами в Советском Союзе никто не занимался», а также об исключительной ведущей роли эстонской школы этнографии в изучении финно-угорских народов СССР, начиная с рубежа 1950–1960 гг. [Карм 2019, 38]. Несмотря на мрачные страницы в истории советского финно-угроведения в 1930-е гг., планомерные этнографические полевые исследования финно-угорских народов на Кольском полуострове (ижемских коми и саамов), в Карелии и Ленинградской области (вепсов, ижоры, эвремейцев, савакотов) не прекращались ленинградскими этнографами вплоть до конца 1930-х



гг. [Решетов 1995, 6-8]. У финно-угров Урало-Поволжья работали экспедиции Центрального музея народоведения, Института народов Востока, Института истории материальной культуры, возглавляемых Н. Я. Марром, Д. К. Зелениным, Н. М. Маториным, М. Г. Худяковым, М. Т. Маркеловым и В. П. Налимовым [Загребин 2013, 21–22]. А уже с 1945 г. Институт этнографии АН СССР (Москва) инициировал проведение регулярных комплексных этнографических экспедиций в финно-угорские регионы страны, в том числе на территории Прибалтики [Загребин, Шарапов 2015, 139–150]. Хотя трудно не согласиться в целом с мнением, что полевые исследования эстонских этнографов 1950–1990-х гг. внесли неоценимый вклад в научное изучение традиционной культуры и религиозной обрядности современных финно-угорских народов Прибалтики, Поволжья и Урала. Наличие сегодня в Эстонии богатейших этнографических музейных коллекций и архивных фольклорных материалов по культуре финно-угорских народов России, собранных эстонскими этнографами в XX в., бесспорно, – мощный стимул для развития современной финно-угорской науки. В этом плане, автор диссертации справедливо подчеркивает роль современного ЭНМ как научного и идеологического «центра» финно-угорских исследований в Европе. Очевидно, что в метаязыковом смысле речь идет о базовых аспектах взаимоотношений «центров» и «периферий» в финно-угорском геополитическом пространстве, в котором сегодня Эстония претендует на роль «семиотического центра» [Сурво, Шарапов 2014].

«Содержательная часть» диссертации объединяет ранее опубликованные статьи, написанные автором (три из которых – в соавторстве с коллегами) в разных жанрах культурно-антропологического исследования, раскрывающих музееологический, биографический и киноантропологический контексты эстонского финно-угорского дискурса.

В разделе «Музееологический контекст финно-угорского дискурса» представлены статьи, в которых рассматриваются концептуальные подходы к формированию финно-угорских коллекций и выставок, а также непосредственные репрезентации финно-угорских культур в музейном пространстве ЭНМ как этнографический и этнополитический проекты. В частности, автором обсуждается вопрос о целесообразности создания постоянной экспозиции, конструирующей единое культурное пространство «финно-угорский мир». Представляя на обозрение культуру носителей только уральских языков, ЭНМ ставит во внимание их этническое происхождение и уже этим противоречит общему направлению «позитивного» глобального развития международного музейного ландшафта, направленного на защиту общекультурных ценностей «универсального человека». В разработке «идеологии» выставки автор подчеркивает, что новая финно-угорская экспозиция концептуально связана с историей эстонской культуры и с академическими традициями финно-угроведения в Эстонии, в которых определяющими исторически являются «идея племенной общности», «финно-угризм» и поиски корней своей идентичности в финно-угорских культурах. По мнению автора, «для Эстонии, в силу географических и исторических причин занимавшей и занимающей пограничное положение между разными мирами, вопросы культурной идентичности не теряют актуальности и сегодня». Смысловая линия новой постоянной выставки «Эхо Урала» связывает родственные финно-угорские народы концептом идентичности, подчеркивая роль в этом процессе ЭНМ как государственной, научной и культурно-образовательной институции [Карм 2011, 98–110].

В музееологических штудиях, написанных диссертантом в соавторстве, подробно рассматривается источниковедческая база проекта «Эхо Урала» (этнографических финно-угорских музейных коллекций, которые планомерно формировались в результате регулярных экспедиций и научно инвентаризировались на протяжении всей истории ЭНМ), а также представлен исторический анализ методов музейного экспонирования. Теоретический интерес представляет ретроспективный обзор финно-угорских выставок ЭНМ в контексте развития международной музееологической мысли XX в. В этом историографическом экскурсе (ориентированном на «выявление методологических изменений этнографического воспроизводства») затрагивается проблематика, связанная с теоретическим осмыслением принципиальной разницы в презентации этничности в музейном пространстве и этничности как реальности историко-культурного ландшафта («этническая идентичность» в многонациональных финно-угорских регионах России порой не имеет четко очерченного «дискурса»). Концепция новой музейной экспозиции ЭНМ предполагает некоторый отход от обобщенных классических типологий материальной культуры и акцентирование внимания на повседневности и персональных историях. Таким образом из *объектов* полевых исследований информанты превращаются в *субъекты* истории и современного финно-угорского дискурса.

Исходя из ретроспективного аналитического рассмотрения эстонского и международного музееологического опыта, при подготовке экспозиции «Эхо Урала» была определена оригинальная стратегия



«этнографического очарования – подхода, отвечающего высоким стандартам этнографического обаяния и совмещающего эстетичность с этическими принципами» в репрезентации «финно-угорского мира». Авторы отмечают, что расширению когнитивного поля визуального восприятия представленных коллекций способствовали корректное сочетание классических методов экспозиционной репрезентации с новыми, экспериментальными формами трансляции культур родственных народов. Речь идет о создании интерактивного музейного пространства посредством «виртуализации» традиционного наследия и «анимирования» этнических образов, а так же принятие во внимание актуальных для эстонского общества тем (в частности, гендерной проблематики) и учет интересов разных социально-возрастных групп посетителей музея [Karm, Leete 2015, 99–121]. Отметим, что тотальная «виртуализация» традиционного наследия, тенденция к игровому «анимированию» этнических образов и символов свидетельствуют не только о развитии современных музейных технологий, но и оттеняют противоречивость процессов, происходящих на уровне переформатирования, перекодировки «национального», «этнического» в аудитории современного финно-угорского дискурса [Сурво 2018, 223].

Проективные экспозиционные предложения, сформулированные автором в музейведческих статьях, носят дискуссионный, диалогический характер, что обусловлено стремлением найти равновесие между этническим, общественным и государственным аспектами финно-угорского дискурса в современной Эстонии. Подчеркнем, что обсуждаемые музейведческие штудии представляют собой предварительный опыт концептуального обоснования и научно-практической разработки постоянной финно-угорской экспозиции ЭНМ, планы построения которой впоследствии были успешно реализованы: экспозицию «Эхо Урала» открыли в 2016 г., и она получила широкое международное признание.

В разделе «Эстонский финно-угорский дискурс сквозь призму персональных историй» представлены два биографо-историографических очерка, написанные диссертантом в соавторстве. В очерках обсуждается эволюция финно-угорской идеи в эстонской научной и общественно-политической мысли. В контексте академической темы «"Поля несуществующего": неизвестные источники по истории и культуре финно-угорских народов России» реконструируются истории «забытых» этнографических финно-угорских экспедиций и биографии этнографов, стоявших у истоков складывания национальных гуманитарных наук в Эстонии и Удмуртии в первой половине XX в. С использованием методов биоисториографического анализа, связывающего личность с эпохой, а научное творчество – с социальным контекстом, автор анализирует вопросы взаимодействия и коммуникации представителей финно-угорских научных кругов в период между мировыми войнами, а также – отношения между наукой, обществом и государством в контексте дискурса науки и власти.

Основываясь на анализе исторических материалов из эстонской и финской научной периодики 1920–1940-х гг., а также малоизвестных документов из архивов Эстонии и Удмуртской Республики, авторы сосредотачиваются на страницах жизни и творчества двух эстонских ученых и общественных деятелей: историка Александра Пырка (Aleksander Põrk, 1873–1933) и лингвиста Юлиуса Марка (Julius Mark, 1890–1959), а также активиста удмуртского национально-культурного строительства Кузубая Герда (1898–1937). Все они – фигуранты по «Делу СОФИН» (1932–1933) в Удмуртии, которое стало одним из первых процессов в целом ряде политических репрессий, инициированных властями против лидеров национальных движений финно-угорских народов СССР [Карм, Загребин 2014, 118–127].

Авторы подчеркивают, что во многом благодаря тесным контактам с эстонскими коллегами (наряду с финскими и венгерскими), уже в первой трети XX в. в среде представителей удмуртской интеллигенции сложилось понимание научной и идеологической значимости изучения финно-угорских национальных культур. Внимание эстонских ученых к проблемам истории и культуры родственных народов, живущих в России, вело к интеграции исследований, создавая дискуссионный контекст, необходимый для позитивного развития науки. Однако, порожденная научным академическим дискурсом идеология «племенной идеи», получившая в 1920–1930-е гг. распространение и в среде финно-угорской интеллигенции в СССР, была расценена властями как реальная политическая угроза гипотетического «великофинляндского проекта».

Вторая статья посвящена драматической судьбе первых профессиональных эстонских этнологов Густава Рянка (Gustav Ränk, 1902–1998), Ильмара Тальве (Ilmar Aleksander Talve, 1919–2007) и Эрика Лайда (Eerik Laid, 1904–1961), внесших неоценимый вклад в становление и развитие этнографии финно-угорских народов и вынужденных по разным причинам эмигрировать из Эстонии в 1943–1944 гг. [Карм, Загребин 2015, 36–44].



В годы войны эстонские этнологи оставались приверженцами идеологии «племенной идеи» и «расширения поля» финно-угорских исследований. В частности, авторы статьи останавливаются на рассмотрении полевых исследований, которые эстонские этнографы провели в августе-сентябре 1942 г. на территории проживания води в Ленинградской области, а в сентябре-октябре 1943 г. у ливов на побережье Рижского залива. Основываясь на полевых дневниках и мемуарных материалах участников этих экспедиций, раскрывается исторический и идеологический контекст этнографических изысканий, проведенных эстонскими исследователями на оккупированных немцами территориях, а также анализируются результаты «военно-полевых» исследований, которые фактически представляли собой опыт проведения т.н. «комплексных собирательских экспедиций», в которых участвовали этнологи, языковеды, фольклористы, антропология и искусствоведы.

Авторы называют этнографические исследования эстонских этнографов 1942–1943 гг. «беспрецедентными». Однако, известно, что аналогичные «комплексные» экспедиции (с участием этнографов, фольклористов, историков, языковедов, искусствоведов-архитекторов) по изучению финно-угорских народов на оккупированных территориях проводились в годы второй мировой войны и финскими исследователями. «Полевой работой у карел, людиков, вепсов и других родственных финнам народностям, последующей верификацией материала, публиковавшимися статьями и книгами исследователи были призваны не только научно обосновать планы по созданию Великой Финляндии, но и представить прибалтийско-финское население оккупированных территорий культурно принадлежащим и тяготеющим к Финляндии» [Сурво 2008, 836–838].

В обширном по объему диссертационном разделе «Удмуртско-эстонский диалог. Историографический и киноантропологический контексты» – представлены статьи, посвященные рассмотрению реальных практик взаимодействия культур в ходе финно-угорских этнологических исследований на примере изучения эстонцами удмуртской культуры. По мнению автора, в истории эстонского удмуртоведения наглядно отражаются научно-идеологические стратегии, тенденции и традиции, характерные для определенного времени, а также субъективные интересы исследователей и приоритеты научных учреждений. В статье дается ретроспективный историографический обзор публикаций эстонских исследователей об удмуртах. Значимым теоретическим вкладом в разработку заявленной темы является представленный автором опыт периодизации истории эстонской этнологии и удмуртоведения в XIX–XXI вв. [Карм 2008, 135–149].

Организация совместных удмуртско-эстонских этнологических экспедиций в 1970–1980-е гг. определяется автором как «феномен межнационального и межинституционного сотрудничества в области комплексного исследования определенной культуры». В ходе более чем 20 экспедиций Этнографического музея ЭССР и Удмуртского республиканского краеведческого музея проводилось комплексное исследование и «накопление» фрагментов аутентичной удмуртской культуры. Вместе с тем «происходило взаимное открывание удмуртами и эстонцами друг друга и себя, а также ментальное сближение культур».

Автор убедительно раскрывает влияние экспедиционных исследований ЭНМ на культуру и самосознание финно-угорских народов СССР в 1980-е гг. и в, частности, подчеркивает активную роль эстонских этнографов в актуализации финно-угорского дискурса в общественной жизни Удмуртии. По мнению автора, интерес эстонских этнографов к удмуртским молениям стал своеобразным стимулом к восстановлению ритуальных объектов, до которых у властей, вероятно, в силу разных причин «не доходили руки». Представляется, что в данном случае несколько преувеличена степень обусловленности возрождения "этнических религий" и аутентичной обрядности у современных финно-угров России влиянием научного интереса к этой теме эстонских, финских и венгерских исследователей. Скорее речь идет о включении языческих молений в широкий публичный и научный дискурс, что, вместе с тем, неизбежно приводит к десакрализации тайных, по определению, священнодействий, которые, порой утрачивают свою аутентичность и приобретают постановочный, «сценический» характер. При этом, нередко, регионально специфические элементы ритуальных действий подвергаются искусственной «унификации» под влиянием «режиссуры» местной администрации и «научных консультаций».

Автор отмечает, что во многом благодаря совместной деятельности эстонских и удмуртских исследователей, религиозная обрядность была «замечена» местными кинематографистами и журналистами, а также осознана уникальность «обычных» обрядов самими удмуртами. Не вызывает сомнения тезис о том, что именно эстонские этнографические исследования 1980-х гг. актуализировали и открыли всему миру традиционную нехристианскую обрядность современных удмуртов, как уни-



кальный феномен мирового культурного наследия. Более того, автор подчеркивает, что «удмуртские религиозные обряды оказались своеобразным «мостом международного научного обмена».

Безусловный историографический интерес представляет опыт рассмотрения киноантропологических исследований эстонских этнографов в Удмуртии, представленный в заключительном разделе диссертации [Карм 2013, 78–86]. Автор отмечает, что особенностью эстонских финно-угорских полевых исследований всегда являлось участие в работе этнографических (собираТЕЛЬСКИХ) экспедиций представителей т.н. «визуальных профессий» – художников, фотографов, а позднее также кино- и видео-операторов, и потому эти исследования можно рассматривать и в контексте истории визуальной антропологии. Справедливо подчеркивается, что истоки российской визуальной антропологии непосредственно связаны с именами Леннарта Мери, Марка Соосара и Пярнуским Фестивалем визуальной антропологии – первым на территории СССР.

Автор диссертации подробно рассматривает историю документирования средствами киноантропологии удмуртских религиозных практик 1980-х – начала 1990-х гг. На примере создания этнографического фильма «Религиозные обряды южных удмуртов в начале XX века» (1983) анализируется методика полевых кино-антропологических исследований, проводимых эстонскими этнографами в 1980-е гг. Характеризуя совместные эстонско-удмуртские экспедиции как «диалог субъектов и объектов этнологического исследования», автор обсуждает вопрос о том, насколько ожидаемы были исследователи с камерой на молениях и насколько готовы были сами удмурты к диалогу с «чужими» на религиозные темы в советское время. В контексте эстонских киноантропологических исследований автором обсуждается тема регулярного сотрудничества Этнографического музея ЭССР и Удмуртского республиканского краеведческого музея – долгосрочного межкультурного исследовательского проекта, который, по мнению автора, оказал очевидное стимулирующее влияние на развитие этнического движения в Удмуртии в 1970–1990 гг.

Вероятно, уместно было бы определение рассматриваемой диссертации как «самоописательной историографии эстонской этнографии». Однако автор исследования неоднократно подчеркивает, что «предлагаемый в диссертации анализ эстонского финно-угорского дискурса – это взгляд «другого», смотрящего одновременно с расстояния и вблизи, взгляд «другого», который является «своим», но все же не совсем». Следует отметить, что автор диссертационного исследования, будучи уроженкой Удмуртии, является одним из ярких представителей финно-угорского дискурса в современной Эстонии. Светлана Карм – ведущий куратор разработки научной концепции и строительства новой этнографической экспозиции по финно-угорским народам в Эстонском национальном музее (г. Тарту). В этом смысле текст обсуждаемого исследования может быть определен и как «автоэтнографическое эссе». Не случайно, в ряду этнографически-ориентированных методов исследования приоритетными автором обозначены автоэтнографический и рефлексивно-историографический [Карм 2019, 29].

Отрадно, что текст обсуждаемой диссертации был представлен для защиты на языке международного общения финно-угров – тем самым автор вводит в русскоязычный научный дискурс обширнейший корпус неизвестных (и малодоступных по разным причинам) для неэстонской аудитории источников по истории финно-угорских исследований в XIX–XX вв. В этом плане, автор диссертации выступает в роли непосредственно продолжателя традиций эстонской этнологической школы – актуализации финно-угорского дискурса в академических исследованиях и выстраивании конструктивного диалога между западноевропейскими и российскими финно-угроведами.

ЛИТЕРАТУРА

- Головнев А. В. Этнография в российской академической традиции // Этнография / Etnografia. 2018. № 1. С. 6–39.
- Загребин А. Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск, 2006. 324 с.
- Загребин А. Е. Уральское измерение финно-угорской этнографии // Уральский исторический вестник. 2013. № 2. С. 21–22.
- Загребин А. Е., Шаратов В. Э. Полевая этнография В. Н. Белицер: забытые тексты экспедиций к удмуртам, коми и коми-пермякам в 1930–1950-х гг. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. Вып. 4. С. 139–150.
- Карм С. Эхо Урала в Эстонском национальном музее, или музеологический аспект эстонского концепта «финно-угорский мир» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. Вып. 3. С. 98–110.
- Карм С., Загребин А. Е. Кузубай Герд и его эстонские корреспонденты // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2014. Вып. 1. С. 118–127.



Карм С., Загребин А. Е. Неизвестное этнографическое финно-угроведение: эстонская история // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2015. Вып. 1. С. 36–44.

Карм С. Этнографическое исследование удмуртов в Эстонии: исследователи, научные традиции, методы. // Россия и Удмуртия: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2008. С. 135–148.

Карм С. Аудиовизуальное документирование удмуртских религиозных обрядов в советское время // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. Вып. 1. С. 78–86.

Карм С. Финно-угорский дискурс в эстонской этнологии (на примере исследования удмуртской культуры); [научный руководитель: Арт Леэте; Институт исследований культуры Факультета гуманитарных наук и искусств Тартуского университета]. Tartu: University of Tartu Press, 2019. 217 с. (Dissertationes ethnologiae Universitatis Tartuensis, 9).

Лотман Ю. М. Текст и структура аудитории // Труды по знаковым системам, 9. Тарту: Тартуский госуниверситет, 1977. С. 55–61.

Решетов А. М. Отдание долга. Часть II. Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР – воинов Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 6–8.

Соколовский В. С. Прошлое в настоящем российской антропологии // Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы: Сб. статей / Ред. и сост. А.Л. Елфимов. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 78–108.

Сурво В. В., Сурво А. А. Истоки «племенной идеи» великофинляндского проекта // Россия и Удмуртия: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2008. С. 832–840.

Сурво В. В., Сурво А. А. Эхо музейных залов // Эволюция культурной среды в субарктической зоне Европейского Севера и Западной Сибири: культурные традиции, система жизнеобеспечения, социальные связи. Труды ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2018. С. 218–227.

Сурво А. А., Шарпов В. Э. «Забытые» тексты, полевые практики и финно-угорская этнография // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. Вып. 3. С. 138–146.

Karm Svetlana, Leete Art. Ethics of Ethnographic Attraction: Reflections on the Production of the Finno-Ugric Exhibitions at the Estonian National Museum // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2015. Vol. 9. № 1. P. 99–121.

Leete Art. Soomeugrilaste tumedad tunded // Rahvusvahelised rahvusteadused. Artiklikogumik rahvusülikooli 95. juubeliks. (Toimetaja Tiit Hennoste). Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2014. L. 61–80.

Voigt Vilmos. More on Finno-Ugric Semiotics // Csúcs, Sándor; Falk, Nóra; Tóth, Zsuzsanna; Zaicz, Gábor (red.): Congressus XI Internationalis Fenno-Ugritarum Piliscsaba 2010. Pars I. Opationes plenariae. Piliscsaba: Reguly Társaság, 2010. P. 267–292.

Поступила в редакцию 18.03.2020

Шарпов Валерий Энгельсович,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора этнографии
Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: sharapov@online.ru

V.E. Sharapov

Review of: Svetlana Karm. Soome-ugri diskursus Eesti etnoloogias (udmurdi kultuuri uurimise näitel) [Finno-Ugric discourse in the Estonian Ethnology (The Case of Udmurt culture)]. Tartu: University of Tartu Press, 2019. – 217 Pp. (Dissertationes ethnologiae Universitatis Tartuensis; 9)

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-2-357-365

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 2, pp. 357–365. In Russian.

REFERENCES

Golovnev A. V. *Etnografija v rossijskoj akademicheskoj traditsii* [Ethnography in the Russian Academic Tradition] // Etnografija. 2018. № 1. P. 6–39.

Karm Svetlana. *Etnograficheskoe issledovanie udmurtov v Jestonii: issledovateli, nauchnye tradicii, metody*. [Ethnological research Udmurt in Estonia: researchers, scientific traditions, practices] // Rossiya i Udmurtija: istorija i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Russia and Udmurtia: history and modernity. Proceedings of the international scientific-practical conference]. Izhevsk: Publishing House "Udmurt State University", 2008. P. 135–148.



Karm Svetlana. *Ekho Urala v Estonskom natsional'nom muzeje, ili muzeologicheskiy aspekt estonskogo kontsepta "Finno-ugorskiy mir"* [Echo of Ural at the Estonian national museum or museological aspect of the Estonian concept «Finno-Ugric world»] // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2011. № 3. P. 98–110.

Karm Svetlana. *Audiovizual'noe dokumentirovanie udmurtskikh religioznykh obrjadov v sovetskoe vremya*. [Audiovisual documenting of the Udmurt religious rites in the times of the Soviet Union] // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2013. № 1. P. 78–86.

Karm Svetlana, Zagrebin Alexey. *Kuzebaj Gerd i ego jestonskie korrespondenty* [Kuzebai Gerd and his estonian correspondents] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istorija i filologija»* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology]. № 1. 2014. P. 118–127.

Karm Svetlana, Zagrebin Alexey. *Ne/izvestnoe etnograficheskoe finno-ugrovedenie: jestonskaja istorija* [Not/known ethnographic finno-ugric studies: estonian history] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istorija i filologija»* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology]. № 1. 2015. P. 36–44.

Karm Svetlana. *Finno-ugorskii diskurs v estonskoi etnologii (na primere issledovaniya udmurtskoi kultury)* (Soome-ugri diskursus Eesti etnoloogias (udmurdi kultuuri uurimise näitel). Tartu: University of Tartu Press, 2019. 217 lk. (Dissertationes ethnologiae Universitatis Tartuensis; 9).

Karm Svetlana, Leete Art. *Ethics of Ethnographic Attraction: Reflections on the Production of the Finno-Ugric Exhibitions at the Estonian National Museum* // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2015. Vol. 9, № 1, Pp. 99–121.

Lotman Yu. M. *Tekst i struktura auditorii* [The text and the structure of the audience] // *Trudy po znakovym sistemam*, 9 [Sign Systems Studies, 9]. Tartu: University of Tartu, 1977. P. 55–61.

Leete Art. *Soomeugrilaste tumedad tunded* // *Rahvusvahelised rahvusteadused. Artiklikogumik rahvusülikooli 95. juubeliks*. (Toimetaja Tiit Hennoste). Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2014. L. 61–80.

Reshetov A. M. *Otdanie dolga. Chast' II. Pamjati sotrudnikov Instituta etnografii AN SSSR – voinov Velikoj Otechestvennoj vojny* [Paying the Debts. Part III. Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences During the Great Patriotic War] // *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 1995. № 4. C. 6–8.

Sokolovskiy V. S. *Proshloe v nastojashhem rossijskoy antropologii* [The past is in the present Russian anthropology] // *Antropologicheskie tradicii: stili, stereotipy, paradigmy* [Anthropological tradition: styles, stereotypes, paradigms]. Moscow: New Literature Review, 2012. P. 78–108.

Survo V., Survo A. *Istoki "plemennoj idei" velikofinljandskogo proekta* [The origins of "tribal ideas" great finnish project] // *Rossija i Udmurtija: istorija i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. [Russia and Udmurtia: history and modernity. Proceedings of the international scientific-practical conference]. Izhevsk: Publishing House "Udmurt State University", 2008. P. 832–840.

Survo A. A., Sharapov V. E. *"Zabytye" teksty, polevye praktiki i finno-ugorskaja etnografija* ["Neglected" Texts and Field Practice of the Finno-Ugric Ethnography] // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2014. № 3. C. 138–146.

Voigt Vilmos. *More on Finno-Ugric Semiotics* // Csúcs, Sándor; Falk, Nóra; Tóth; Zaicz, Gábor (red.): *Congressus XI Internationalis Fenno-Ugritarum Piliscsaba 2010. Pars I. Opationes plenariae*. Piliscsaba: Reguly Társaság, 2010, Pp. 267–292.

Zagrebin A. E. *Finno-ugorskie etnograficheskie issledovaniya v Rossii (XVIII – pervaja polovina XIX v.)* [Finno-Ugric ethnographic studies in Russia in the 18th–first half of the 19th centuries]. Izhevsk, 2006. 324 pp.

Zagrebin A. E. *Ural'skoe izmerenie finno-ugorskoj etnografii* [The ural dimension of the finno-ugric ethnography] // *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Journal]. 2013. № 2. P. 21–22.

Zagrebin A. E., Sharapov V. E. *Polevaja etnografija V.N. Belicer: zabytye teksty jekspeditsij k udmurtam, komi i komi-permjakam v 1930–1950-h gg.* [V.N. Belitser's Ethnographic Field Studies: Forgotten Texts Collected during Expeditions to the Udmurts, Komi and Komi-Permyaks in the 1930s–1950s] // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2015. № 4. P. 139–150.

Received 18.03.2020

Sharapov Valery Engelovich

Candidate of Historical Sciences (Ph. D. equiv.),
is a leading researcher at the Department of Ethnography
(Institute of language, literature and history of the
Komi Science Centre of the Ural Branch of the
Russian Academy of Sciences).

Kommunisticheskaya st., 26, Syktyvkar, 167982, Russian Federation
E-mail: sharapov@online.ru